

УДК 8-21

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/105-113>

ИМПЕРАТИВ – ДРЕВНЕЙШАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА?
(НА МАТЕРИАЛЕ КЕТСКОГО ЯЗЫКА)

Г. Т. Поленова

*Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского-на-Дону государственного экономического университета (РИНХ)*

IMPERATIVE – THE OLDEST FORM OF THE VERB?
(BY THE MATERIAL OF THE KET LANGUAGE)

G.T. Polenova

*Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch)
Rostov-on-Don State Economic University (RINH)*

Аннотация: статья посвящена рассмотрению статуса императива в архаичном бесписьменном кетском языке енисейской группы. Базируясь на предыдущих исследованиях этой формы глагола в кетском языке, автор статьи подходит с новых позиций к анализу кетского императива, с точки зрения диахронии его становления. Рассматриваются наиболее древние глаголы как по семантике, так и по структуре словоформы. Методологической основой работы является теория контенсивной типологии Г. А. Климова. К классному строю языка отнесены в статье глаголы, не имеющие личных субъектных показателей: «говорить» 1SG *nita*, 2SG *kuta*, 3SGM *bada*, 3SGF *mana* – **императив:** *qan' guta!* 'скажи!' (букв. пусть ты скажешь!); «резать» *ha:s'a* 'режу, пилю, стрижу' - *ha:l'a* 'пилил, резал, стриг (я, ты, он)' – **императив:** *ha:l'a!* 'пили! режь! стрижи!'; «есть, кушать» *s'i* 'я ем, ты ешь, он ест' *s'i:l'a* 'я, ты, он ел', **императив:** *s'il'a!* 'поешь!'. Каждый слог здесь представлен первичной классно-дейктической частицей со структурой C/V, где C представляет класс, а V – дейкис, указывающий на сферу говорящего (ближайшего) – **-i-**, собеседника – **-u-** и отсутствующего (отдаленного) – **-a-**, имеющего в предикативном значении сему действия безотносительно ко времени его протекания. Структура частицы **q-a-n'** 'пусть' трактуется, как показатель центробежной версии / каузативности, восходящий к классному показателю адресата **k/q/γ > uk/uq/uy**, 'ты'; дейкис активного действия **-a-**; показатель результативности действия **-n'**. Далее приводится анализ структуры глаголов с первичными личными субъектными показателями, восходящими к классно-дейктическим частицам в предикативном употреблении при синкретизме частей речи. Представлено в целом пять групп, демонстрирующих продвижение языка от классного строя к номинативному через этап активной типологии. Сделан вывод, что первичной глагольной формой был императив.

Ключевые слова: кетский язык, императив, прохибитив, первичные классно-дейктические частицы, простые глаголы, синкретизм частей речи, контенсивная типология языков.

Abstract: the article is devoted to the consideration of the status of the imperative in the archaic unwritten Ket language of the Yenisei group. Based on previous studies of this form of the verb in the Ket language, the author of the article approaches the analysis of the Ket imperative from a new perspective, from the point of view of the diachrony of its formation. The most ancient verbs are considered both in terms of semantics and the structure of the word form. The methodological basis of the work is the theory of contensive typology by G. A. Klimov. In the

© Поленова Г. Т., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

article, verbs that do not have personal subjective indicators are assigned to the class structure of the language: "to speak" 1SG nima, 2SG kuma, 3SGM bada, 3SGF mana – **imperative: qan' guma!** 'Tell!' (lit. let you say it!); "cut" ha:s'a 'I cut, saw, shear' – ha:l'a 'sawed, cut, sheared (I, you, he)' – **imperative: ha:l' a!** 'cut!'; "eat" s'i 'I eat, you eat, he eats' s'i:l'a 'I, you, he ate', imperative: s'il'a! 'eat!' Each syllable here is represented by a primary class-deictic particle with the structure C/V, where C represents the class, and V is the deixis, indicating the sphere of the speaker (nearest) **-i-**, interlocutor **-u-** and absent (remote) – **-a-** having in the predicative meaning of this action, regardless of the time of its occurrence. The structure of the particle **q-a-n'** 'let' is interpreted as: indicator of the centrifugal version / causation, ascending to the class indicator of the addressee k/q/γ > uk/uq/uy ,you'; active action deixis **-a-**; action performance - indicator **-n'**. The following is an analysis of the structure of verbs with primary personal subjective indicators ascending to class-deictic particles in predicative use with syncretism of parts of speech. In general, five groups are presented, demonstrating the progress of the language from the class system to the nominative one through the stage of active typology. It is concluded that the primary verb form was the imperative.

Key words: Ket language, imperative, prohibitive, primary class-deictic particles, simple verbs, syncretism of parts of speech, contensive typology of languages.

Введение

Традиционно императив считается одним из наклонений глагола. Наклонение же является ядром функционально-семантического поля модальности, ср., например [1, с. 122–123]. Но что такое модальность? И вписывается ли в это понятие императив?

Принято считать, вслед за В. В. Виноградовым [2], что модальность – это отношение высказывания **говорящего** к действительности. Но какое отношение говорящего к действительности имеется в виду? Полагаем, что прав А. В. Бондарко, выделивший доминанту модальности как то или иное отношение к оппозиции «реальность/ирреальность», представленное «в значениях: 1) актуальности/потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т. д.); 2) оценки достоверности; 3) коммуникативной установки высказывания; 4) утверждения/отрицания; 5) засвидетельствованности (эвиденциальности)» [3, с. 58].

Общим семантическим признаком «модальных объектов» является «**точка зрения говорящего**» [4, с. 64]. По признаку «Целевая установка говорящего или коммуникативная функция высказывания» все предложения подразделяются на повествовательные (выражающие сообщение), вопросительные (выражающие вопрос), побудительные (выражающие побуждение) и оптативные (выражающие желание). Средства выражения этих значений различны: морфологические (наклонения глагола), синтаксические (конструкция предложения), просодические (интонация).

С семантических позиций А. В. Бондарко различает значения **оптативности и повелительности**, которые могут интерпретироваться как оптативные и императивные ситуации. Оптативные ситуации предполагают: 1) наличие субъекта волеизъявления (волюнтативности); 2) стремление к преобразованию некоторой ирреальной ситуации в ситуацию реальную; 3) необязательность адресованности волеизъявления. В структуру оптативной ситуации включается

как один из ее элементов потенциальность. Этот признак играет существенную роль во внутренней структуре **императивной ситуации** (далее ИС).

Особый аспект «императивной потенциальности» – это потенциальность, заключенная в самом содержании императивного волеизъявления: то, к чему побуждается субъект-исполнитель. Реализация или нереализация каузируемого действия находится за пределами содержания императивного высказывания [4, с. 72–80].

А. В. Бондарко подчеркивает как характерную особенность ИС «центрального типа» (форма 2-го лица ед. числа. – Г. П.) сопряженность с речевой ситуацией (РС). ИС признается типом модальности, отражающим особый тип речевого поведения. В императивном предикате заключены: 1) самый акт волеизъявления, исходящего от говорящего, который берет на себя роль субъекта волеизъявления (С1), и обращенного к слушателю, на которого говорящим возлагается роль субъекта-исполнителя (С2); основу высказывания образует лексическое значение глагола [4, с. 80–84].

В. С. Храковский и А. П. Володин вывели эталонную восьмичленную императивную парадигму, выделив в ней оппозицию центральных и периферийных форм. Центральными парадигмообразующими являются формы 2-го лица. Все остальные формы периферийные [5, с. 14]. Авторы отметили также «восполнение императивной парадигмы за счет... оптативных форм» во многих языках [Там же, с. 46–47]. При этом они отказывают императиву в праве быть одним из наклонений глагола [Там же, с. 68–70].

Для нас представляет интерес их ссылка на А. Эрхарта, предполагавшего для индоевропейского языка, что «**праимператив** вначале находился вне системы глагольных имен и наклонений – примерно так же, как и **вокатив** (форма, синтаксически и семантически сходная с императивом), который стоит вне падежной парадигмы» (цит. по: [5, с. 70]).

Авторы отмечают, что **запрет** – это тоже волеизъявление, направленное на невыполнение каузируемого действия, т. е. это тоже императив, но «прохибитивные формы обнаруживают широкое типологическое разнообразие и даже в одном и том же языке бывают формально неоднородны с императивными формами» [5, с. 96].

Материалы и методы исследования

На фоне приведенных данных по императиву рассмотрим материал кетского языка, языка уникального, бесписьменного, архаичного, не имеющего родства ни с одним живым языком.

Приведем сначала мнения кетологов об императиве в кетском языке. А. П. Дульзон, основатель Томской школы исследователей сибирских языков и автор объемного тома «Кетский язык», отнес *императив* к основным формам глагола, назвав его **наклоением** наряду с *индикативом*, *ирреалисом* и *эксортативом*. Императив имеет синтетическую форму 2-го лица ед. и мн. числа. Лицо, к которому обращено повеление, в этой форме не выражено. Нет у императива и категории числа. В то же время в большинстве форм императива присутствует «вокалический показатель настоящего-будущего времени (**а**, **и**) в сочетании с консонантным показателем прошедшего времени (**л'**, **н**)». Говорящий видит действие, которое он велит выполнить, уже совершенным в будущем.

Ирреалис, по А. П. Дульзону, выражает условие, не выполненное в момент говорения. Он образуется с помощью частицы **с'им** в препозиции. Она может стоять перед любой личной формой глагола, примеры А. П. Дульзона: *ат с'им диббет* 'я бы это сделал в будущем'; *ат с'им билевет* 'я бы это сделал в прошлом'.

Эксортатив по значению близок к императиву, выражая мягкое побуждение к действию с помощью частицы **кан**. Она тоже может стоять перед любой личной формой глагола. Примеры А. П. Дульзона: *бу кан лобедабет* 'пусть он работает', *ат кан лобедабет* 'допустим, я буду работать' [6, с. 141–142].

Е. А. Крейнович, единственный кетолог, посвятивший целую книгу кетскому глаголу, рассмотрел все имеющиеся глагольные формы, исходя из характера основы: глаголы с основой в конце слова, со сложной прерывной основой, с простой прерывной основой. Отдельные главы посвящены у него непрерывным глаголам с пассивным значением и императиву. Императив он рассматривает сначала в целом, характеризуя его отдельными признаками, а затем он описывает особенности императива определенного вида глаголов. Остановимся на общих признаках кетского императива, отмеченных Е. А. Крейновичем:

– императив не имеет специальных морфологических показателей;

– он не допускает показатели вещного класса в свой состав;

– опускается субъектный показатель группы *D*;

– если в структуре глагола есть интерфикс *-i-*, то императив образуется с помощью этого интерфикса;

– от глаголов, чередующих показатели времени *-a-*, *-o-*, императив образуется с помощью *-a-*;

– большинство глаголов образует императив с помощью показателя завершенности действия;

– в единичных случаях императив образуется путем переноса ударения;

– запретительная форма имеет отрицательную частицу *at'n* в препозиции;

– некоторые глаголы не имеют формы императива. Значение, близкое к императиву, выражается при помощи побудительной частицы *kan* 'пусть' перед глагольной формой [7, с. 267–268].

Специально исследованием кетского императива занималась Р. С. Гайер. Автор тоже пишет о том, что лицо в формах императива не маркируется. Императив имеет две формы: 2-го лица ед. числа и 2-го лица мн. числа. Категория вида, по Р. С. Гайер (в диахроническом плане следует говорить о способе действия. – *Г. П.*), отражается в императиве. Однократность или многократность в зависимости от речевой ситуации выражаются показателем прошедшего времени. Р. С. Гайер различает еще формы действия и формы состояния. Формы действия не маркируются. Формы состояния имеют категориальный аффикс.

Заслугой Р. С. Гайер мы считаем то, что она рассматривает формы императива **простых глаголов**, что очень важно для диахронии языка. К простым глаголам она относит «глагольные слова, имеющие лишь одну морфему с лексическим значением, стоящую в конце глагольного слова и начинающуюся в настоящее-будущем времени полными личными префиксами» [8, с. 6]. Имеются в виду личные субъектные показатели ед. числа: 1-е л. *di-*, 2-е л. *ku-*, 3-е л. *du-* м. кл., 3-е л. *da-* ж. кл.

Автор отмечает, что простых глаголов в кетском языке немного – 61 глагол, да и это количество можно сократить, так как многие образуют семантические группы с вариациями одного и того же коренного элемента. «По своей семантике простые глаголы выражают процессы/действия/состояния, осознанные носителями языка **в глубокой древности**». Ее примеры: *diyidaq* 'жить', *di:ba* 'есть, кушать', *di:doq* 'летать', *di:tal* 'мерзнуть' и др.

В сноске Р. С. Гайер поясняет, что эти формы приведены для первого лица (личный субъектный показатель 1-го лица *di:*. – *Г. П.*) [8, с. 7]. Это замечание автора неслучайно. Мы в свое время тоже задавались вопросом, есть ли в кетском языке инфинитив, и пришли к выводу, что инфинитив находится в стадии формирования у сложных глаголов, основа

которых опирается на глагольную форму *-bet* ‘делать’, что является сравнительно недавним образованием. «Инфинитив» же простых глаголов является глагольным (предикативным) именем [9, с. 32–35].

Р. С. Гайер пишет: «В словообразовательном отношении модель простого глагола в современном кетском языке не продуктивна. **Знаменательная же часть (основа простого глагола) представлена почти во всех структурных типах кетского глагола. Многие основы находят себе параллели среди существительных, прилагательных и других классов слов**» (выделено нами. – Г. П.) [8].

Методологической основой нашей работы является теория контенсивной типологии Г. А. Климова, согласно которой различают четыре периода в развитии номинативного строя языка: нейтральный строй, классный строй, активный строй и эргативный строй [10, с. 291]. Соответственно основными методами являются структурно-контенсивный анализ и реконструкция.

Обсуждение

Начнем анализ с глагольных форм, восходящих, по нашим выводам, к классному строю.

1. Глаголы, не имеющие личных субъектных показателей

1. Глагол ‘говорить’, комментатив (термин Г. К. Вернера): это глагол, сопровождающий чужую речь: 1SG *nima*, 2SG *kuma*, 3SGM *bada*, 3SGF *mana* – **императив: *qan' guma!*** ‘скажи!’ (букв. пусть ты скажешь!).

2. Глагол ‘резать’: *ha:s'a* ‘режу, пилю, стригу’ *ha:l'a* ‘пилил, резал, стриг (я, ты, он)’ – **императив: *ha:l'a!*** ‘пили! режь! стриги!’, т. е. форма императива омонимична форме прошедшего времени.

3. Глагол ‘есть / кушать’: *s'i* ‘я ем, ты ешь, он ест’; *s'i:l'a* ‘я, ты, он ел’; **императив: *s'il'a!*** ‘поешь!

Первый глагол представлен первичными дейктическими частицами: *ni-ma*, *ku/gu-ma*, *ba-da*, *ta-na*. Все они имеют структуру *C/V*, где *C* представляет класс, а *V* – дейксис, указывающий на сферу говорящего (ближайшего) – *-i-*, собеседника – *-u-* и отсутствующего (отдаленного) – *-a-*. Сравним кетские указательные местоимения: *ki* ‘этот’ (здесь), *tu* ‘этот, тот’ (посредине), *qa* ‘тот’ (далеко). Формант *-a-* приобретает в предикативном значении сему действия, безотносительно ко времени протекания этого действия. Он совпадает с формой 2-го лица, добавляя частицу *q-a-n'*. Структура этой частицы, как представляется, следующая: показатель центробежной версии/каузативности, восходящий к классному показателю адресата *k/q/γ > uk/uq/uy* ‘ты’; дейксис активного действия *-a-*; показатель результативности действия *-n'*.

Второй пример представляет тоже сочетание двух первичных классно-дейктических частиц, из которых первая выступает в роли корневой морфемы: *-s'* – выражает длительное/актуальное состояние; *-l'* – то же, неактуальное для говорящего.

В третьем глаголе в исходной форме нет предикативной части. Здесь представлен только формант *-s'* и ближайший дейксис / состояние – *-i-*. Во втором случае (о прошлом) формант *s'i-* приобретает значение корневой морфемы, а предикативная часть такая же, как у глагола *ha:l'a*.

II. Глаголы с первичными личными субъектными показателями

1. Глагол ‘ложиться, лежать’:

Предельное действие – показатель предельности (*-t*)

<i>tadit</i> ‘я лягу (спать)’	<i>tol'di:t</i> ‘я лег'
<i>taut</i> ‘ты ляжешь’	<i>tol'gut</i> ‘ты лег'
<i>tajat</i> ‘он ляжет’ / ‘она ляжет’	<i>tol'at</i> ‘он лег’ / ‘она легла’.

Императив: *tal'gut!* ‘спи!’

<i>dito:γot</i> ‘лежу’	<i>toluyut</i> ‘я, ты, он лежал’
------------------------	----------------------------------

kuto:γot ‘ты лежишь’

duto:γot ‘он лежит (спит)’

dato:γot ‘она лежит (спит)’

ta:but ‘это лежит’

Императив: *u t-a-l-γu-t axta!* ‘ты выспись хорошо!’ (экспедиция автора на Елогуй, 1981).

В югском, одном из енисейских языков, зафиксированы следующие формы прошедшего времени этого глагола:

to:ritdi (*-r'* – соответствует кетскому *-l-*) ‘я лежал’

to:ritku ‘ты лежал’

to:ritdu ‘он спал, лежал’

to:ritda ‘она лежала’

2. Глагол ‘есть, кушать’ (переходный):

Класс вещей

<i>diba</i> ‘я это-ем’	<i>d-bil</i> (< <i>bil'a</i>) ‘я-это-ел’
------------------------	---

<i>kuba</i> ‘ты-это-ешь’	<i>u-bil</i> ‘ты-это-ел’
--------------------------	--------------------------

<i>duba</i> ‘он-это-ест’	<i>d-bil</i> ‘он-это-ел’
--------------------------	--------------------------

<i>daba</i> ‘она-это-ест’	<i>da-bil</i> ‘она-это-ела’
---------------------------	-----------------------------

Императив: *il'!* ‘ешь!’ Ср.: *tip at duba* ‘собака кость ест’; *hisseybaγ bok dλba* ‘лес горит’ (букв. ‘лес огонь ест’), *ad n'an' diba* ‘я хлеб ем’, *tip duba* ‘собака это ест’;

Прохибитив: *is' at ku-b-a!* ‘(рыбу) не ешь!’ (Бакланиха, 1989)

3. Глагол ‘отдыхать, набирать силу’:

<i>di-us'am</i> ‘отдохну, отдыхаю’	<i>di-ul'am</i> ‘я отдыхал’
------------------------------------	-----------------------------

<i>ku-us'a'm</i> ‘ты отдыхаешь’	<i>ku-ul'am</i> ‘ты отдыхал’
---------------------------------	------------------------------

<i>bu da us'am</i> ‘она отдыхает’	<i>bu da ul'am</i> ‘она отдыхала’
-----------------------------------	-----------------------------------

Императив: *ul'gam!* ‘отдыхай!’

4. Глагол ‘хаживать’:

tajga ‘хожу, хаживаю’ (я, ты, он) *tol'ga* ‘ходил, хаживал’ (я, ты, он)

Анна Яковлевна Кусамина привела нам этот глагол в ответ на просьбу назвать глагол «гулять», ср. ее примеры: *tip qan' tajga* ‘собака пусть гуляет’; *bu datajga s'i* ‘она ночью (*s'i* ‘ночь’) ходит (гуляет)’ (Бакланиха, 1989); ср.: *ab banga at (k)tajga!* ‘на мою землю (на мой участок) не ходи!’ *bu tam bis' aŋ tajga* ‘он где-то бродит’ (Елогуй, 1981).

5. Глагол «сплести»:

da:ba ‘заплетаю’, *ka:ba* ‘заплетаешь’, *da:ba* ‘заплетает (он)’, *a:ba* ‘заплетает (она)’, *bin'a* ‘заплетал (я, ты, он, она)’.

Императив: *ana:!* ‘заплети!’

6. Глагол «стоять/жить»:

ku-n' ‘(ты) стоишь’

k-ol'in' ‘(ты) стоял’

Императив: *a-d-in'!* ‘стой!’

Приводим только формы единственного числа, поскольку категория множественного числа сформировалась при развитии активном строе [11, с. 78].

В кетском современном глаголе, как правило, представлены и субъект, и объект предложения, которые традиционно, вслед за К. Боуда [12], подразделяют на группы *B* и *D* по аффиксам 1-го лица единственного числа. Обычно субъектные показатели стоят в начале глагольной словоформы.

Рассмотрим наш первый пример в этой группе. Личные показатели субъекта выделены. При предельном действии они внутри словоформы, в том числе и в форме императива, где представлен индекс 2-го лица *-gu-*.

В глаголе «лежать» лично-субъектный показатель уже на «своем» месте. В форме императива – *-y-* вместо *-g-*, но это ничего не меняет, так как в говорах кетов можно встретить в равных позициях *-q-* / *-k-* / *-g-* / *-q-* / *-k-* / *-g-* / *-y-*.

Более четко, занимая конечную (правую) позицию, представлены личные предикативные аффиксы в югских формах прошедшего времени: 1-е лицо *-di*, 2-е лицо *-ku*; 3-е лицо *-du* (м. кл.); *-da* (ж. кл.). В формах настоящего времени те же показатели уже занимают маргинальную левую позицию.

Пример из близкородственного югского языка относит нас к первичному способу выражения лично-субъектных отношений. Формант занимает крайнюю позицию в формах состояния **прошедшего времени**. Это еще не столько субъектный показатель, сколько предикативный, как у других частей речи, выступающих в предикативном значении, ср. предикативную форму прилагательного *axta* ‘хороший, добрый’:

at axtadi ‘я добр’

u axtaku ‘ты добр’

bu axtadu ‘он добр’

bu axtada ‘она добрая’

Во втором примере в формах прошедшего времени лично-субъектные индикаторы носят, на наш взгляд, классно-личный характер: *d-* 1-е и 3-е м. лицо, *u-* дейксис 2-го лица/адресата и *d-a-* древнейший показатель женщины (*d-* классный показатель одушевленного деятеля). Еще при раннеактивном строе языка звук “*a*” был дейксисом женщины, ср. формы вокатива: *ama* ‘мама!’, *obo!* ‘отец!’ [11, с. 39]. Форма императива состоит из двух формантов *i-l'*, где *i-* выражает идею состояния, а *-l'* неоднократность/длительность. Скорее всего, это первичный императив, выраженный дейксисом состояния – *i* в сочетании с показателем процессуальности. Обращает на себя внимание форма прохибитива, представленная отрицательной частицей *a-t* (*a-* действие, *-t* предел/запрет) в сочетании с формой 2-го лица настоящего времени *ku-b-a* (*ku-* 2SG *-b-N-* *-a* действие).

В третьем примере просматривается корневая морфема *-u-*, стоящая после личного показателя субъекта. Женский показатель выражен дважды *bu* ‘он / она’ и *da-*. Далее следует формант способа действия *-s-* / *-l'* и формант *-am* / метатеза *> -ma*.

Суффикс *-am* восходит к первичным показателям предикативности, к периоду синкретизма частей речи, ср.: *s'es' todam* ‘речка мелка’, *aks' banj u:s'am* ‘что у меня есть / имеется’, *unam* ‘скользко’, *tik toram* ‘снег мелкий’, *at kainam* ‘я беру!’, *but qimnam* ‘он женился (женат, *qim* ‘жена’)’, *ad tet'nam* ‘я вышла замуж (*tet'* ‘муж’)’.

Этот же суффикс оформляет и форму императива: *u-l'-g-a-m!* ‘отдыхай!’, где *u-* корневая морфема; *-l'* – показатель способа действия; *-g-* / *-q-* / *-k-* – показатель каузатива / второго лица; *-a-* – выразитель действия; *-m*, на наш взгляд, означает наступление пассивного состояния в результате действия.

В глаголе «хаживать» *t-* корневая морфема, *-a-* / *-o-* выражает актуальность/неактуальность действия, *-j-* / *-l'* – способ действия, *-ga-* – первичная дейктическая частица с версионным показателем центробежности *-g-*. Форма императива повторяет форму настоящего времени.

Пятый глагол этой группы переходный, объект вешного класса *-b-*, личные субъектные показатели выражены классными показателями лица *d-*, *-k-*, *d-*, *a-*. Примечательно, что класс женщин выражен дейксисом. Это не случайно, так как при классном строе языка и родовом обществе людей основная роль принадлежала женщине, о чем мы не раз писали [11, с. 12–20]. А что же императив? Пожалуй, это тоже первичная форма, и ее следовало бы поставить после *il'!* ‘ешь!»: *a-na:!* (действие + классно-дейктическая частица).

Последний пример интересен инфиксом *-d-* в императиве. Каждый исследователь кетского императива интерпретировал его по-своему: Е. А. Крейнович назвал его детерминативом [7, с. 270], Г. К. Вернер – аффиксом императива [13, S. 289], Р. С. Гайер – классным показателем одушевленного деятеля [8, с. 9]. Мы присоединяемся к последней точке зрения.

III. Глаголы с личными показателями группы В

Глагол ‘смотреть’:

<i>baŋsuŋo</i> ‘я смотрю’	<i>baŋluŋo</i> ‘я смотрел’
<i>kuŋsuŋo</i> ‘ты смотришь’	<i>kuŋluŋo</i> ‘ты смотрел’
<i>buŋsuŋo</i> ‘он смотрит’	<i>buŋluŋo</i> ‘он смотрел’
<i>dabuŋsuŋo</i> ‘она смотрит’	<i>dabuŋluŋo</i> ‘она смотрела’

Ср.: *at qus’iŋa baŋsuŋo* ‘я на чум смотрю’ (Бакланиха, 1989); *as’is’k’eraŋa bu buŋluŋo?* ‘на какого человека он смотрел?’; *opdaŋa kuŋluŋo!* ‘на отца посмотри!’ (Курейка, 1975).

Императив этого глагола повторяет форму 2-го лица прошедшего времени *ku-ŋ-l-uŋo!* > 2SG-PL-DUR-TOP.

V. Сложные глаголы

Формы индикатива

- 1) *k-tɔ:-ba-γ-a-tet* ‘ты хватаешь меня’
k-tɔ:-ba-γ-ul’-tet ‘ты хватал меня’
- 2) *k-al’-i-ŋet* ‘ты варишь суп’
k-al’-i-l’-bet ‘ты варила суп’
- 3) *k-is’-a-ŋet* ‘ты гребёшь’
k-is’-o-l’-bet ‘ты грёб’

В первом примере в императиве отсутствует аспектуальный показатель, повторяется первое лицо индикатива в настоящем времени с опущением субъектного показателя, т. е. специальной формы для императива нет.

Во втором случае императивная форма повторяет форму прошедшего времени, сохраняя показатель состояния *-i-* и показатель длительности *-l-*. Выделенный нами элемент *-g-* версионный показатель центробежности, приобретший в формах императива функцию маркера каузативности, восходящий к классному показателю 2-го лица / адресата.

В последнем примере формант *-a-* отражает идею активного действия в сочетании с показателем длительности.

Можно приводить еще множество примеров, но как показал наш анализ структуры простых глаголов, сложные глаголы сохраняют те же способы образования формы императива, что и у простых глаголов.

IV. Глаголы, образованные при помощи двух рядов личных показателей группы D

1. Глагол ‘подвинуться’:

<i>didduk</i> ‘я подвинусь’	<i>dil’duk</i> ‘я подвинулся’
<i>kuɣduk</i> ‘ты подвинешься’	<i>kil’guduk</i> ‘ты подвинулся’
<i>duɣaduk</i> ‘он подвинется’	<i>dil’aduk</i> ‘он подвинулся’

Ср.: *il’guduk!* ‘подвинься!’ (Бакланиха, 1989).

Императив этого глагола *i-l’-gu-duk!* – состояние-DUR-2SG-TOP повторяет форму 2-го лица прошедшего времени, отбрасывая показатель лица в препозиции. Это третий этап в развитии императива.

Рассмотрим формы императива сложных глаголов. Г. К. Вернер, анализируя формы императива сложных глаголов, отметил, что, если учитывать различие этих форм с учетом переходности/непереходности, перфективности/имперфективности, моментальности/длительности, то у одного и того же глагола можно будет фиксировать множество императивных форм [13, S. 302–303].

Формы императива

- tɔ:-ba-γ-a-tet* ‘схвати меня!’
R₁-OBJ1SG-CAUS-AFF действия R₂
- al’-i-l’-get* ‘свари суп!’
R₁суп-AFF состояния- DUR/IPFV –R₂
- is’-a-l’-get* ‘гребни!’
R₁грести/весло- AFF действия- DUR/IPFV-R₂

Заключение

Прежде чем перейти к обобщающим выводам, остановимся на особенностях строя кетского глагола, подмеченных в свое время кетологом Д. М. Сегалом, который писал о «чудовищной ‘омонимии’ глагольных основ». Одна и та же гласная может выражать как разные лексические значения, так и являться морфологическим формантом. «...лексическое и реляционное значение передается собственно сегментом и тем местом в ‘обойме’ глагольного слова, куда этот сегмент помещается» [14, с. 31–32]. Поистине прав был Ж. Вандриес, назвав язык системой знаков, подчеркивая, что «...исследовать происхождение языка – это значит исследовать, какие знаки, естественно, были в распоряжении человека и как он принужден был ими пользоваться» [15, с. 21], а в кетском языке и в наши дни «каждый звук слова является идееносителем (звукоизолирующий язык)» [16, с. 138].

Рассмотрим становление кетского императива как восхождение от первичных строевых элементов языка / знаков к оформлению глагольной категории императива.

Древнейшее состояние показывает императив первой представленной выше группы глаголов. Это период классного строя языка и синкретизма частей речи. Классные показатели в сочетании с гласными-дейксисами приспособляются выражать состояние [i] и действие [a], актуальное или неактуальное для говорящего.

Первым проявлением императивности, скорее, оптативности, явились частицы *q-a-n* 'да исполнится действие!' (*k-* центробежность, позже каузативность / классный показатель 2-го лица, *-a-* действие, *-n* – результативность/достижение состояния), *s-i-m* 'возможно, станет' (*s-* сущность, *-i-* состояние, *-m* – центростремительность) и запретительная частица *at*. Примечательно, что с помощью частицы *qan'* образуются формы императива от предикативов, например: *u aqta-yu* 'ты хороший' – *u qan' aqta-yu!* 'будь хорошим!'. Образования с *qan'* возможны для всех личных предикативных форм, а не только для формы 2-го лица, ср.: *bu aqta-du* 'он хороший' – *bu qan' aqtadu!* 'пусть он будет хорошим!' Эти примеры подтверждают доглагольный характер использования частиц. Ср. заключение Е. А. Крейновича: «Некоторые непереходные глаголы не образуют императива, и значение, близкое к нему, выражается при помощи побудительной частицы *kan* 'пусть', располагающейся перед словоформой настояще-будущего времени соответствующего глагола» [7, с. 267–268].

Как отмечал Г. К. Вернер, первые слова были диффузными образованиями, не различающимися в общекатегориальном плане. «Дифференциация начинается с зарождения двусловных предложений, в которых функции слов уже в известной мере дифференцированы. Это первое разделение функций слов как составных компонентов предложения обусловило появление класса знаменательных и класса служебных слов, которые в дальнейшем каждый по-своему дробятся на другие классы слов... В дальнейшем служебный класс, пополняясь за счет перехода в него знаменательных слов, в зависимости от развития грамматической системы языка продолжает дробиться: из первичных синкретичных слов-дейксисов или слов-классификаторов постепенно вычлениются различные разряды местоимений, частицы, позднее предлоги, послелогои и с развитием паратаксиста и гипотаксиста – союзы» [17, с. 6].

В современном енисейском языке – кетском – и в недавно вымершем югском есть большая группа слов, выступающих как в качестве именной, так и в качестве глагольной основы. Ср.: кет. *sa:l* 'ночевка / ночевать', *bayasal* 'ночью', *bayinsal* 'переночевал';

huns' 'скользящий / скользнуть', *hun' bay* 'скользящая земля', *ap bulaŋ hun' aŋoŋon* 'у меня ноги скользнуть стали' и т. п.

Безличные предикативные аффиксы имени встречаются у глаголов, аномальных с точки зрения современного состояния кетского языка. Это, прежде всего, глаголы состояния и *verba sentiendi*. Ср. *duls'a* 'я мокну' – *dul'na* 'я вымок'; *has'a* 'я (ты, он, она) режу' – *hal'a* 'я (ты, он, она) резал'; *kaja* 'я режну' – *kona* 'резнул', *abaya axtam* 'мне нравится'. Сравним кет. *bu don' kajn'am* 'он нож взял' и *abaya tajam* 'мне холодно', югск. *to:ditda* 'она лежала' и *sujat ugda* 'платье длинное'; *kan' u:s'a i:s* 'там есть рыба' и *oyas'a* 'прежний'; кет. *du:l'na* 'я вымок' и *kina* 'эти', *tuna* 'эти, те', *qana* 'те'; *de:s'i* 'я кричу' и *bo'ls'i* 'толстый'; *sitdi* 'я проснусь' и *qadi* 'я большой', *sitku* 'ты проснешься' и *qagu(-gu < -ku)* 'ты большой', югск. *to:ditdu* 'он спал, лежал' и *qadu* 'он большой'. Когда я попросила А. Я. Кусамину дать мне форму прошедшего времени глагола 'знать', она привела мне сложно-составное сказуемое: *ad itpadam > it- pa-d-am* (*it-* – основа, *pa-* > *ba-* – 1SGPOSS, *-d-* – классный показатель субъекта действия, *-am* – предикативный показатель) *obilda* 'я знала (букв. 'я осведомленной была') (Бакланиха, 1989).

Оглаголивание происходило через предикативизацию, выражаемую классно-дейктическими частицами со структурой *CV/VC*.

Первыми глагольными формами могли быть императивы-частицы со структурой *VC*, типа: *il'* 'ешь!' / *an(a)!* 'заплети!' Полагаем, что это и есть начальная глагольная форма, выражающая состояние – [i] и его длительность – [I'] в противовес к [a] – действие, [n] – перфективность.

При раннеактивном строе языка глагольную функцию императивности берут на себя первичные предикативные частицы со структурой *CV*. Предикативные показатели *-la* и *-na* специализировались для выражения категории состояния, не актуального для говорящего. Причем *-la* означало состояние-процесс, а *-na* – состояние-факт, например, глагол «резать, пилить, рубить»: *ha:l'a!* 'пили! режь! стриги!', *qa-na!* 'резни!'

Следующий этап – активный строй языка – можно назвать периодом «оглаголивания» предикативных словоформ с помощью личных субъектно-объектных показателей, сформированных опять же на базе первичных классно-дейктических частиц. Этот процесс, как представляется, начался с формы императива, ср.: *ku-ba!* 'ешь (это)!'

Почему-то глагольные формы прошедшего, как показывает материал языка, отставали от форм настоящего, ср. глагол «лежать». Не говорит ли и этот факт о том, что первичной была императивная форма, как исходная? Темпоральность была представлена

только состоянием/действием, актуальным для говорящего, которое и нужно было четко выразить.

Таким образом, на поставленный в заголовке вопрос, полагаем, можно ответить положительно, исходя из приведенных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache = Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка* : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2004. 352 с.
2. *Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике : избранные труды. М., 1975. С. 53–87.*
3. *Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004. 208 с.*
4. *Бондарко А. В. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. С. 59–90.*
5. *Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л. : Наука, 1986. 272 с.*
6. *Дульзон А. П. Кетский язык. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. 636 с.*
7. *Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л. : Наука, 1968. 285 с.*
8. *Гайер Р. С. Формы императива простых глаголов кетского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск : ТГУ, 1973. 24 с.*
9. *Поленова Г. Т. Есть ли инфинитив в кетском языке? // Чтения памяти Ерухима Абрамовича Крейнвича. Материалы. СПб. : ИЛИ РАН, 2006. С. 32–35.*
10. *Климов Г. А. Типология языков активного строя. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.*
11. *Поленова Г. Т. В поисках истоков языка. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А. П. Чехова, 2011. 336 с.*
12. *Bouda K. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. Anthropos 52. 1957. S. 65–134.*
13. *Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1997. 408 S.*
14. *Сегал Д. М. Фонология кетского языка (пакулинский говор) // Кетский сборник. Лингвистика. М. : Главная редакция Восточной литературы, 1968. С. 26–74.*
15. *Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю). М. : Эдиториал УРСС, 2004. 408 с.*
16. *Дульзон А. П. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими // Ученые записки Том. гос. ун-та. 1969. № 75, вып. 2. С. 110–139.*
17. *Вернер Г. К. К вопросу о выделении частей речи в енисейских языках // Исследования по грамматике и лексике енисейских языков. Новосибирск : Наука, 1986. С. 3–11.*

REFERENCES

1. *Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Moskal'skaya O. I. Teoreticheskaya grammatika sovremennogo nemeckogo yazy'ka): Uchebnik dlya stud. vy'ssh. ucheb. zavedenij. Moskow: Akademiya, 2004. 352 p.*
2. *Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'ny'x slovaх v russkom yazy'ke [About the category of modality and modal words in Russian]. In: *Issledovaniya po russkoj grammatike: izbranny'e trudy. Moskow, 1975. Pp. 53–87.**
3. *Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy' russkoj grammatiki. [Theoretical problems of Russian grammar]. Sankt-Petersburg: St. Petersburg State University, 2004. 208 p.*
4. *Bondarko A. V. Modal'nost'. Vstupitel'ny'e zamechaniya [Modality. Introductory remarks]. In: *Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. Leningrad: Nauka, 1990. Pp. 59–90.**
5. *Xrakovskij V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologiya imperativa. Russkij imperativ. [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Leningrad: Nauka, 1986. 272 p.*
6. *Dul'zon A. P. Ketskij yazyk [Ket language]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1968. 636 p.*
7. *Krejnovich E. A. Glagol ketskogo yazyka [Verb of the Ket language]. Leningrad: Nauka, 1968. 284 p.*
8. *Gajer R. S. Formy' imperativa prosty'x glagolov ketskogo yazy'ka. [Forms of the imperative of simple verbs in the Ket language.]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk: TGU, 1973. 24 p.*
9. *Polenova G. T. Est' li infinitiv v ketskom yazyke? [Is there an infinitive in the Ket language?]. In: *CHteniya pamyati Erukhima (YUriya) Abramovicha Krejnovicha. Sankt-Peterburg: Nauka, 2006. Pp. 12–35.**
10. *Klimov G. A. Tipologiya yazy'kov aktivnogo stroya. [Typology of active languages]. Moskow: LIBROKOM, 2009. 320 p.*
11. *Polenova G. T. V poiskakh istokov yazyka [In search of the origins of the language]. Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. ped. in-ta imeni A. P. Chekhova, 2011. 336 p.*
12. *Bouda K. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. Anthropos 52. 1957. Pp. 65–134.*
13. *Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 408 p.*
14. *Segal D. M. Fonologiya ketskogo yazy'ka (Pakulixinskij govor) [Phonology of the Ket language (Pakulikha dialect)]. In: *Ketskij sbornik. Lingvistika. Moskow: Glavnaya redakciya Vostochnoj literatury', 1968. Pp. 26–74.**
15. *Vandries Zh. Yazy'k (lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu). [Language (linguistic introduction to history)]. Moskow: E'ditorial URSS, 2004. 408 p.*
16. *Dul'zon A. P. Obshhnost' glagol'ny'x form indoevropskix yazy'kov s uralo-altajskimi [Commonality of Verbal Forms of Indo-European Languages with Ural-Al-*

taic]. In: *Ucheny'e zapiski Tomskogo gos. universiteta*. 1969. No. 75, вып. 2. Pp. 110–139.

17. Verner G. K. К вопросу о выделении частей речи в енисейских языках. [On the question of the allocation of

parts of speech in the Yenisei languages]. In: *Issledovaniya po grammatike i leksike enisejskix yazy'kov*. Novosibirsk: Nauka, 1986. Pp. 3–11.

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского-на-Дону государственного экономического университета (РИНХ)

Поленова Г. Т., доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

E-mail: polenova@mail.ru

Поступила в редакцию 7 июля 2023 г.

Принята к публикации 26 сентября 2023 г.

Для цитирования:

Поленова Г. Т. Императив – древнейшая форма глагола? (на материале кетского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 105–113. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/105-113>

Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) Rostov-on-Don State Economic University (RINH)

Polenova G. T., Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Institute

E-mail: polenova@mail.ru

Received: 07 July 2023

Accepted: 26 September 2023

For citation:

*Polenova G. T. Imperative – the oldest form of the verb? (by the material of the Ket language). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 4. Pp. 105–113. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/105-113>*